

ИЗ ИСТОРИИ МАКЕДОНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (типология литературного языка К. К. Мисиркова)

Известно, что македонский литературный язык – самый молодой из литературных славянских языков, так как он был кодифицирован лишь в 1945 г. С тех пор этот язык развивается очень интенсивно и по уровню развития не отличается от других современных славянских литературных языков, имеющих более длинную историю. Но это была не первая научная кодификация современного македонского литературного языка.

Первая научная кодификация современного македонского литературного языка была проведена в самом начале XX в. К. П. Мисирковым: на этом языке была издана книга Мисиркова «За македонските работи» («О македонских проблемах»; София, 1903)¹ и затем подготовлен к печати общественно-политический и литературный журнал «Вардар» (Одесса, 1905)². Тираж книги «За македонските работи» сразу же был уничтожен болгарскими властями, и о книге Мисиркова узнали только через несколько десятилетий, а журнал «Вардар» не вышел в свет по причине отсутствия денег.

Крсте Петков Мисирков родился в Эгейской Македонии недалеко от Солуни, учился в Болгарии и Белграде на болгарском и на сербском языках, высшее историко-филологическое образование получил в Санкт-Петербургском и Одесском университетах. Книга «За македонските работи» в виде докладов была прочитана Мисирковым в 1903 г. на собраниях студенческого кружка «Македонско научно-литературно другарство» в Санкт-Петербурге. После поражения македонского Ильинденского восстания 1903 г. Мисирков проявил себя как либеральный интеллигент, отрицавший пользу вооруженной общенародной борьбы за освобождение от власти Османской империи,

---

¹ Экземпляр книги К. П. Мисиркова «За македонските работи» был обнаружен лишь в 1940-е гг. в Софийской библиотеке. После 1945 г. книга неоднократно переиздавалась в Скопье фототипным изданием с сохранением буквенных знаков, введенных Мисирковым, и в современной орфографии. В Македонии о деятельности К. П. Мисиркова говорилось на многих специально ему посвященных научных конференциях, написано много статей и книг (см. библиографию к статье и, в частности [Ристовски 2001]).

² Корректурa этого не вышедшего в свет журнала была обнаружена в 1930-е гг. в одесских архивах С. Б. Бернштейном, который первым опубликовал научный анализ языковых особенностей журнала «Вардар» К. П. Мисиркова ([Бернштейн 1958]).

считая лучшим выходом для Македонии культурную автономию в составе Турции, потому что соседние страны на Балканах, жаждущие завладеть Македонией и объявлявшие македонцев болгарами, сербами и греками, представляли для Македонии более серьезную опасность. Главной задачей македонской интеллигенции К. П. Мисирков считал культурное воспитание в духе национального самосознания македонского народа, не относящегося ни к болгарам, ни к сербам, ни к грекам. Одним из главнейших инструментов этой воспитательной и духовной борьбы, по мнению К. П. Мисиркова, должен был стать литературный македонский язык, который и был кодифицирован Мисирковым и представлен в его книге, а затем в журнале «Вардар».

Фактически литературный македонский язык, кодифицированный в 1903 г. К. П. Мисирковым, является письменным культурным идиолектом³, потому что не известны тексты других авторов на этом языке. Но последующие поколения македонцев, узнавшие о вкладе К. П. Мисиркова в историю македонской культуры, высоко оценили идиолект Мисиркова и учли его опыт при кодификации македонского литературного языка в 1945 г.

В задачу данной работы входит сопоставление типологических особенностей и их реализаций в культурном идиолекте К. П. Мисиркова и в современном македонском литературном языке.

К проблеме кодификации и создания литературного языка македонской нации К. П. Мисирков подошел не просто как большой патриот, но и как подготовленный русской научной филологической школой высокий профессионал. Тем не менее К. П. Мисирков не принял типологического принципа опоры литературного языка на письменную традицию и на церковнославянский язык, как это принято в русском, болгарском и некоторых других современных славянских языках. К. П. Мисирков считал, что македонский литературный язык должен опираться исключительно на живой народно-разговорный язык, на наиболее характерную и специфическую диалектную базу, понятную всем носителям македонского языка и одинаково удаленную от болгарского и от сербского языков. Мисирков выбрал: а) «прилепско-битольско-охридское наречие», т. е. центральные западные македонские говоры, в качестве диалектной базы литературного языка, б) фонетический принцип орфографии (графика Мисиркова несколько отлична от современной македонской графики) и в) принцип отбора лексики из всех македонских диалектов. Следует отме-

---

³ О культурном идиолекте см. [Виноградов 1990: 171].

тить, что такой же, в принципе, подход и та же диалектная база были приняты кодификаторами македонского литературного языка в 1945 г. Таким образом, основные типологические особенности литературного македонского языка (идиолекта), созданного К. П. Мисирковым, и современного македонского литературного языка не отличаются. Различия относятся к конкретной реализации в этих литературных языках указанных принципов.

Фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности литературного языка К. П. Мисиркова изучены хорошо (см. библиографию в конце статьи). При чтении текстов Мисиркова бросается в глаза вариативность в конкретных решениях: синонимичность, неустановленность некоторых типов спряжений и т. п. Ряд конкретных решений кодификации, предложенных К. П. Мисирковым, отличается от кодификации норм в современном македонском литературном языке.

Общая и подробная характеристика диалектной базы идиолекта К. П. Мисиркова дана Б. Видоеским ([Видоески 1976]), который указывал на некоторые неточности у Мисиркова в определении территории центральных западных македонских говоров, о предпочтении им именно битольского говора, о спорадическом включении в идиолект некоторых диалектных особенностей родных для Мисиркова нижневардарских говоров. Типологически идиолект Мисиркова, опирающийся на центральные говоры, отличается открытостью к другим диалектным группам македонского языка.

Вариативность языка (идиолекта) Мисиркова проявляется и в образовании некоторых морфологических форм и их функционировании: Мисирков принимает центральнодиалектную форму 3 л. ед. ч. презенса с флексией *-m*, но почти не употребляет характерный для этой диалектной группы так называемый «тройной член (артиклъ)», есть вариации в спряжении и морфологической классификации глаголов, особенно с основой на корневой гласный типа *живејеме / живуаме / живиме*. Мисирков употребляет частицу *ке* не только при образовании форм будущего времени и будущего в прошедшем, но и в условных предложениях с союзом *ако* (*Ако не ќе можиме...* – ‘Если мы не сможем’) и даже после союза *да* в изъяснительных придаточных (*Природно јет да ќе употребит Грција сите дипломатични патишча...* – ‘Естественно было бы, чтобы Греция употребила все дипломатические пути...’). Эти и некоторые другие особенности отличают идиолект Мисиркова от современных норм македонского литературного языка.

Из морфосинтаксических особенностей идиолекта Мисиркова, которые иначе решены в современном литературном македонском языке, укажем на почти полное отсутствие местоименного удвоения прямого и косвенного объекта, выраженного существительным, свойственного для центральных западных говоров, и частое употребление кратких личных местоимений в дат. пад. в посессивной функции (*татаината му* 'его родина', *природната им боја* 'их природная окраска' и т. п.), что не типично для базовых диалектов литературного языка.

Некоторые диалектные синтаксические особенности, характерные для идиолекта Мисиркова, почти не употребительны в современном литературном македонском языке, например временной союз *једно* (совр. лит. *итом* 'раз, как только'). К. П. Мисирков слишком часто употребляет союз *да* – при выражении побудительности и долженствования, в условных и даже в изъяснительных придаточных предложениях (*Закључок от тоа јет – да самите пропаганди признаваат, да во Македонија имат само једна словенца народност, да Македонија не претстауала етнографска целина* 'Выводы из этого таковы, что сами пропагандисты должны признать, что в Македонии есть лишь одна славянская народность, (и неверно, что) Македония не представляет этнографической целостности'); в отличие от современной литературной нормы Мисирков совсем не использует союз *дека* 'что'.

Часто вариативность языка Мисиркова можно объяснить и тем, что он творчески относился к своей кодификаторской деятельности, постоянно изыскивая более приемлемые решения: так, например, в книге «За македонските работи» регулярно отражается черта центральных говоров – эллизия интервокального согласного *в*, который восстанавливается автором в последующих текстах – в журнале «Вардар» (*жиот > живот, осноа > основа, зборуам, применуам > зборувам, применувам* и т. п.).

К. П. Мисирков широко употребляет народную словообразовательную модель существительных с суффиксом *-јње* и отказывается от книжной модели с суффиксом *-ние*; в современном литературном македонском языке модель на *-ње* также продуктивна и вытесняет слова на *-ние*, однако в современной норме вместо модели на *-ние* продуктивны также и образования с суффиксом *-ба* (*отцепуајње / отцепејње, изучајње / изучаајње, состојајање* – совр. лит. мак. *отцепување* 'отделение (полит.)', *изучување* 'изучение', *состојба* 'состояние').

Система глагольных времен в идиолекте Мисиркова, как и в современном литературном языке, содержит результативные перфектные формы со вспомогательным глаголом *има* и *сум*, но у Мисиркова в 3 л. вспомогательный глагол *јет*, *сет* не выпадает (*не јет имало*, *не само сет пропадали – имаат поддржуано*), а в формах пересказа вспомогательный глагол в 3 л. отсутствует и у Мисиркова (*Зар не јет нелепост да се мислит оти Русија се бојела од голема Бугарија и не сакала нашето ослободувајње* ‘Разве не нелепость думать, будто Россия боится великой Болгарии и не желает нашего освобождения’).

Остановимся на лексических особенностях идиолекта К. П. Мисиркова. Следуя провозглашенному принципу заимствования лексики из всех македонских диалектов, Мисирков употребляет достаточно много разнодиалектных синонимов, например: *арен* / *добар* ‘хороший’, *полза* / *корист* ‘польза’, *арчит* / *трошит* ‘тратить’, *бранит* / *защитуат* / *защичичаваат* ‘защищать’ и т. д., пытается придать некоторым народным словам абстрактные значения, например *срзала* (совр. мак. лит. *погледи*, *гледништа*, *гледна точка*) ‘взгляды, точка зрения’.

Поскольку по содержанию тексты К. П. Мисиркова относятся к научно-публицистическому стилю, в них автор должен был выразить такие понятия и термины, которых нет в народном языке и диалектах. Соблюдая дистанцированность от соседних славянских языков, Мисирков находит выход в фонетической адаптации заимствований и калькировании словообразовательных элементов и слов из других языков, главным образом из русского языка, пользующегося у Мисиркова наибольшим престижем. (Анализ лексики в языке Мисиркова был достаточно глубоко проведен в работах М. Миовского, Т. Димитровского и некоторых других македонских исследователей – см. библиографию в конце статьи.)

Так, фонетической адаптации подверглись русизмы *праителство* (совр. мак. *влада*), *предстаител* (совр. мак. *претставник*), со словообразовательной адаптацией *претстаителъка* (совр. мак. *претставничка*) ‘представительница’, *преимушество* (совр. мак. *предност*), *продолжител* и *последуател* (совр. мак. *следбеници*), *искусствен* (совр. мак. *вештачки*), *искусственост* (совр. мак. *извештаченост*, *неприродност*), *отрицателно* (совр. мак. *негативно*), *окончателно* (совр. мак. *конечно*), *органи на чувствата* (совр. мак. *сетила*) и др.; калькированы с русского термины *јазикознајци* ‘языковеды’ (совр. мак. *лингвисти*), *словенознајци* ‘славяноведы’ (совр. мак. *слависти*), *новововедувања* ‘нововведения’ (совр. мак. *новини*), *му имајет надоедено* ‘ему надоели’ (совр. мак. ‘*му здодеале*’). Заме-

тим, что *искуство* в языке Мисиркова имеет русское значение, а в современном македонском – ‘опыт, опытность’. Аналогично у Мисиркова *вред / вреда, вреден* означает ‘вред, вредный’ (в совр. мак. *штета, штетен*), а в современном македонском *вреден* значит ‘полезный; работающий’. Мисирков использует не встречающиеся в современном литературном македонском языке русизмы *толчек* (совр. мак. *поттик*), *учени* ‘учёные’ (совр. мак. *научници*), *оскрбит* (совр. мак. *навреди*), *обезпечит / обезпечит* (совр. мак. *осигури*), *ускорит* (совр. мак. *забрза*), *опекунство* (совр. мак. *старателство, тунорство*) и т. д.

Следуя главному избранному им принципу – отражать живой народно-разговорный язык, Мисирков употребляет существительные с суффиксом *-тија* без экспрессивно-негативного значения, которое они имеют в современном литературном языке: *праотија* (рус. ‘правота’, совр. мак. *правина*), *слободија* (совр. мак. *слобода* ‘свобода’) и некоторые другие. Часть существительных с суффиксом *-јње*, вероятно, калькированы с русского: *впечатлејње* (совр. мак. *впечаток*), *сведејња* (‘сведения’, совр. мак. *податоци, сознанија*), *устрануајње / устранејње* (‘устранение’, совр. мак. *отстранување*), *вероисповедуајње* (‘вероисповедание’, совр. мак. *вероисповед*), *мнејње* (совр. мак. *мислење*), *сносуајња* (‘отношения; сношения’, совр. мак. *односи; врски*), *упразнуајње* (‘упразднение’, совр. мак. *укинување*) и т. д.; как правило, такие лексемы носят книжный характер.

В идиолекте К. П. Мисиркова довольно много интернационализмов ([Димитровски 1967]), и все они заимствованы в русской фонетической транскрипции и с русскими значениями, например, *интелегенција* употребляется только в русском значении (совр. мак. *интеллектуалци*) и не встречается в современном македонском значении *памет, ум* ‘ум’.

В своей монографии М. Миовский ([Миовски 1988: 179]) констатирует, что в лексике языка Мисиркова имеется 0,64% болгаризмов, 1,53% грецизмов, 0,58% сербизмов, 1,23% турцизмов, 11,16% интернационализмов и 8,86% русизмов. Таким образом, 20% лексики в языке Мисиркова пришло из русского языка или через посредство русского. Подчеркнем, что фактически К. П. Мисирков создавал общественно-политический и научный стиль литературного языка, поэтому в лексике его текстов так много заимствований.

К. П. Мисирков, может быть, бессознательно пользовался русизмами (для него было важно дистанцироваться от соседних славянских языков), поскольку русским он владел хорошо и, вероятно, думал по-русски. Поэтому на подсознательном уровне он употребляет не

только русские лексемы в их адаптированном виде, но и синтаксические кальки с русского, например, *си дадоа отчет* 'дали себе отчет' (совр. мак. *си поднесоа сметка на себе си*), *во вреда* 'во вред' (совр. мак. *на штета*), *како иччо му се заблагорасудит* 'как ему заблагорасудится' (совр. мак. *како ќе му текне*); из народного русского калькировано: *И интересите на Бугарија не Господ знаит иччо означават* 'И интересы Болгарии не Бог весть что означают' (совр. мак. *И интересите на Бугарија не значат кој знае што*). Калькированы и непосредственно заимствованы с фонетической адаптацией словосочетания *неминуана неопходност* 'неминуемая необходимость', *свалит јарем* 'сбросить ярмо', *неопходимо следствие* (совр. мак. *неопходна последица*), *малу тоа* 'мало того' (в совр. мак. а) *не само тоа*, туку б) *повеќе од тоа*). В одном месте Мисирков приводит в кавычках русскую цитату «скрепя сердце» (совр. мак. *со тешко срце*), несколько раз употребляет в функции приименных определений несвойственные современному македонскому языку действительные причастия: *господствујуките националности*, *србоманствујуката и еркоманствујуката македонца словенска интелегенција*, *деморализујуките пропаганди*, *саитествујучијо ред*, *револуционата дејателност јет времена и разрушајучица*, *а не вечна*, *созидајучица*. Думается, что эти примеры все же иллюстрируют не внесение церковнославянских элементов, а лишь калькируют русские выражения, которыми мыслил автор в момент сочинения текста.

Кодифицированный в 1945 г. македонский литературный язык тоже содержал некоторое количество русизмов, которые сохранились главным образом для передачи советских реалий типа *колхоз*, *большевик* и т. п. Что касается политической и научной терминологии, в современном македонском литературном языке главным источником терминов и посредником в заимствовании интернационализмов служил сербскохорватский язык, что естественно, так как (Вардарская) Македония с 1913 г. и до 1991 г. входила в состав Югославии. Став самостоятельным государством, Македония в своей языковой политике старается заменять сербизмы словами другого происхождения, но рассмотрение этого процесса выходит за рамки данного исследования.

* * *

В заключение определим основные типологические признаки македонского литературного языка (культурного идиолекта), кодифицированного К. П. Мисирковым в 1903 г., и современного литератур-

ного македонского языка, кодифицированного в 1945 г. с последующими уточнениями и поправками в 1950, а затем в 1970 гг. и развивающегося в настоящее время, как все живые современные литературные языки.

1. «Диалектная база литературного языка – центральные западные македонские говоры». Этот принцип был принят и К. П. Мисирковым, и в 1945 г., однако некоторые кодифицированные диалектные особенности у Мисиркова и в современном литературном языке не совпадают (в фонетике, в морфологии, морфосинтаксисе и синтаксисе).
2. «Открытость в отношении других диалектных зон при опоре на центральные говоры» – признак принципиально совпадает в обеих кодификациях, различаясь в некоторых конкретных реализациях.
3. «Принцип отбора лексического материала из всех диалектов» был провозглашен и К. П. Мисирковым, и кодификаторами в 1945 г.; в статье частично были показаны различия в отборе лексического материала.
4. Различаясь в конкретике, типологический признак «отсутствие пуризма» свойствен обеим кодификациям современного литературного македонского языка.
5. «Ориентация на письменную книжную традицию» – этот признак не свойствен и идиолекту Мисиркова, и современному македонскому литературному языку.
6. «Вариативность нормы» – этот признак был в большей степени свойствен текстам К. П. Мисиркова, который не имел достаточно времени для редактирования текстов и шлифовки принятых норм. В литературном македонском языке после кодификации 1945 г. в течение нескольких лет также присутствовала вариативность в нормах, уточненных в 1950 г. и в последующих орфографических кодексах.
7. «Дистанцирование от соседних южнославянских языков» – принцип и признак литературного языка (культурного идиолекта) К. П. Мисиркова; для современного македонского языка этот принцип тоже был и остается важным, но конкретная его реализация в обоих литературных языках различается.
8. Сознательное и подсознательное влияние русского языка как наиболее престижного при создании публицистического и научного стиля для Мисиркова было очень существенно. Для современного македонского литературного языка престиж русского языка не был столь велик.

Указанные принципы и типологические характеристики культурного идиолекта Мисиркова свидетельствуют о том, что К. П. Мисиркову удалось создать в самом начале XX в. литературный македонский язык и его научный и публицистический стиль вполне современного типа. Политические и исторические обстоятельства задержали дальнейшее становление литературного македонского языка почти на полвека.

Типологические особенности литературного македонского языка, кодифицированного сто лет тому назад К. П. Мисирковым в книге «О македонских проблемах» и журнале «Вардар», который мы считаем культурным македонским идиолектом, важнейшим для истории становления и кодификации современного македонского литературного (стандартного) языка, в принципе совпадают с типологией современного македонского стандартного языка. Различия между культурным идиолектом К. П. Мисиркова и современным литературным македонским языком относятся к сфере реализации принятых типологических принципов.

Л и т е р а т у р а

- Бернштейн 1958 – *Бернштейн С. Б.* «Вардар» К. П. Мисиркова // *Slavistična revija. Ljubljana. 1958. IX. С. 3–4.*
- Видоески – *Видоески Б.* Дијалектната база на јазикот на К. Мисирков // *Македонски јазик. XXVII. 1976. С. 7–16.*
- Виноградов – *Виноградов В. А.* Идиолект // *Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 171.*
- Димитровски 1967 – *Димитровски Т.* Интернационалниот лексички слој во јазикот на К. П. Мисирков // *Македонски јазик. XVIII. 1967. С. 79–102.*
- Конески 1956 – *Конески Бл.* К. П. Мисирков (по случај 30-годишнината од смрт) // *Македонски јазик. VII. Кн. 1. 1956. С. 1–7.*
- Конески 1974 – *Конески Бл.* К. П. Мисирков // *Македонски јазик. XXV. 1974. С. 7–17.*
- Корубин 1974 – *Корубин Б. К.* Мисирков и прашањето за македонскиот литературен јазик во негово време // *Македонски јазик. XXV. 1974. С. 19–30.*
- Минова-Ѓуркова 2000–2001 – *Минова-Ѓуркова Л.* Има(ло) ли пуризам во македонскиот стандарден јазик? // *Македонски јазик. LI–LII. 2000–2001. С. 39–54.*
- Миовски 1988 – *Миовски М.* Лексиколошки аспекти на делото «За македонските работи». Скопје, 1988.
- Ристовски 1966 – *Ристовски Бл.* «Вардар» (научно-литературно и општествено-политичко списание на К. П. Мисирков). Скопје, 1966.
- Ристовски 1997 – *Ристовски Бл.* Националната свест во литературно-културната дејност на македонскиот литературен кружок во Софија // *Прилози на МАНУ. Одделение за лингвистика и литературна наука. XXII. 1997. № 1–2. С. 169–199.*
- Ристовски 2001 – *Ристовски Бл.* Сознајби за јазикот, литературата и нацијата. Скопје, 2001. С. 303–333.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Толстой 1969 – *Толстой Н. И.* Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период // Славянские литературные языки в донациональный период (тезисы докладов). М., 1969. С. 14–16.

Усикова 1979 – *Усикова Р.* За системот на модално-темпоралните глаголски форми во јазикот на К. П. Мисирков // Зборник на трудови од V Научна дискусија во Охрид. Скопје, 1979. С. 95–103.

Усикова 1998 – *Усикова Р.* Кон типологијата на македонскиот литературен (стандарден) јазик // Науката и културата за заедничка иднина на Југоисточна Европа (Прилози од научниот собир одржан во Скопје по повод 30-годишнината на МАНУ). Скопје, 1998. С. 81–95.